

УДК 1(091)(11:165) Кудрявцев-Платонов

Корнилов С.В.

Philosophia perennis¹. В.Д. Кудрявцев-Платонов: путь познания истины

Корнилов Сергей Владимирович, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии Балтийского федерального университета им. И. Канта (Калининград)

ORCID ID <https://orcid.org/0000-0003-3239-1002>

E-mail: sergey-v-kornilov@j-spacetime.com; korns2009@rambler.ru

Рассматривается вопрос о возможности существования *philosophia perennis*, т.е. вечной философии. В этой связи анализируется трансцендентальный монизм – философское учение, созданное выдающимся русским мыслителем В.Д. Кудрявцевым-Платоновым. Показано, что в его концепции наиболее полно выразились основные достижения философской школы Московской Духовной Академии. В служении царству истины и добра видел свою задачу философ.

Ключевые слова: русская философия; В.Д. Кудрявцев-Платонов; теизм; метафизика; онтология; гносеология; душа.

Удивительны слова И. Ньютона. Он сравнивал себя с маленьким мальчиком, который играет на морском берегу и развлекается тем, что время от времени находит красивые камешки, в то время как перед ним расстилается бескрайний океан истины². Признание величайшего физика знаменательно. Путь познания столь сложен и извилист, что его цель – Истина – кажется недостижимой. Но, может быть, запредельное для научного познания, открывается иным образом? Обладает ли таким потенциалом философия? Возможна ли *philosophia perennis*, вечная философия, имеющая непреходящее значение?

Примечательно, что термин *philosophia perennis* в современном его значении, был использован Лейбницем как раз в ту эпоху, которая устами Декарта провозгласила: «Все подвергай сомнению». С этого момента, казалось бы, всякая возможность вечной философии должна быть навсегда отвергнута. Но, следуя за картезианцами и их современными последователями, мы вправе применить тот же методологический прием и усомниться в окончательности их вывода о несостоятельности *philosophia perennis*. Лучшим доводом здесь будет явленность самой вечной философии. Она не только возможна – она действительна, как цепь стройных логических доказательств и фундаментальных философских категорий – как система трансцендентального идеализма.

Создателем системы трансцендентального идеализма был выдающийся русский мыслитель – Виктор Дмитриевич Кудрявцев-Платонов (1828–1891). Его имя остается практически неизвестным сегодняшнему читателю. Современники же называли его «славой и украшением Московской Духовной Академии», и в их словах не было преувеличения. Емко охарактеризовал сущность взглядов В.Д. Кудрявцева-Платонова Г.В. Флоровский:

«В книгах Кудрявцева, – писал он, – покоряет этот стиль внутренней свободы, душевное изящество и благородство, с каким этот человек недрогнувшей веры ведет свое оправдание или обоснование этой веры, строит свой критический синтез среди недостаточных решений других философских школ»³.

¹ Вечная философия (лат.).

² Brewster D. *The Life of Sir Isaac Newton*. New York: J. & J. Harper, 1832, pp. 300–301.

³ Флоровский Г.В. Пути русского богословия. М.: Наука, 1990. С. 279.

Превосходно сказал о мыслителе и В.В. Зеньковский:

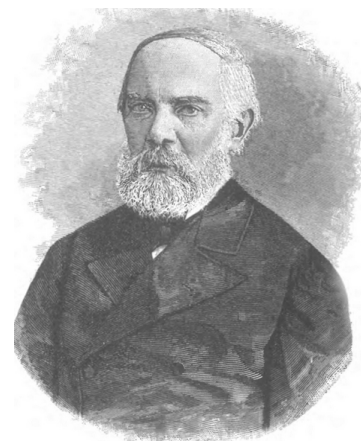
«Характерной чертой философского мышления Кудрявцева является исключительная внутренняя свобода. Глубокое внутреннее переживание подлинного единства христианства и свободной мысли освобождало Кудрявцева от задачи, которая так беспокоила Соловьева – “оправдать” веру отцов. В этом отношении, по типу своей мысли, Кудрявцев ближе стоит к Хомякову – он всегда свободен и смел, идет за своей мыслью до конца. Дар построения системы в полном смысле сказался в нем»¹.

Каков же был путь В.Д. Кудрявцева-Платонова – человеческий и нравственный, земной и творческий? Родина философа – погост Кудрев Новоржевского уезда Псковской губернии. Там 9 октября 1828 г. в семье полкового священника Кудрявцева родился мальчик, которому пришлось вместе с отцом поменять в детстве и отрочестве много мест. Начав свое образование в дворянском училище одного из уездов Виленской губернии, он провел затем три года в Варшавском духовном училище и завершил учебный курс в семинариях Волынска, Могилева и Чернигова.

В 1848 г. юноша поступил в Московскую Духовную Академию и с этого момента связал с ней всю свою жизнь. Он был принят под номером первым, и экзаменаторы не ошиблись: за четыре года учебы Кудрявцев проявил замечательное трудолюбие, разносторонние знания, удивительную скромность и как лучший получил стипендию митрополита Платона, что позволило ему по существующей традиции добавить к своей фамилии имя Платона. Профессор Ф.А. Голубинский, возглавлявший в Академии кафедру философии, оставил словесный портрет своего воспитанника: он был «среднего роста, темнорус, не толстый, узкобород».

В стенах Академии изучались: богословие догматическое и нравственное, обличительное и пастырское, истолковательное богословие и чтение Священного Писания, церковное красноречие и церковная история, каноническое право и философия, всеобщая словесность и гражданская история, математика и языки – иврит, греческий, немецкий, французский и английский (латынь поступающие уже знали). Главными считались богословие и философия. Занятия начинались с 8 часов, утром читались лекции – посещение их было обязательным. В 12 часов – общая трапеза и потом отдых, с 14 до 16 учеба возобновлялась, но изучались уже другие предметы. Время с 17 до 20 называлось «занятыми часами», когда студенты должны были заниматься у себя в комнатах самостоятельно. Затем следовал ужин и еще один час – с 21 до 22 надо было уделить учебным предметам. В 22 часа все собирались на вечернюю молитву, а ворота Лавры закрывались и ключи отдавались наместнику.

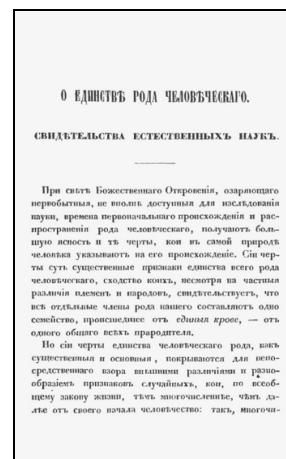
Как философ и мыслитель В.Д. Кудрявцев-Платонов развился рано, и уже в его магистерской диссертации «О единстве рода человеческого» кристаллизуется центральная, ведущая тема его размышлений – обоснование религии, защита и раскрытие христианских ценностей. Труд Кудрявцева-Платонова высоко оценили не только его учителя, но и суровый Филарет, митрополит Московский². Крупный государственный деятель и церковный

Виктор Дмитриевич Кудрявцев-Платонов (1828–1891)

Сергиев Посад. Московская Духовная Академия. Фото конца XIX в.

Первая страница магистерской диссертации В.Д. Кудрявцева-Платонова «О единстве рода человеческого» (публикация 1853 г. в: Прибавления к Творениям св. Отцов. 1853. Ч. 12. Кн. 1. С. 23–118)

¹ Зеньковский В.В. История русской философии. М.: Академический Проект, Раритет, 2001. С. 509.

² См.: Корнилов С.В. Русские философы: Справочник. СПб.: Лань, 2001. С. 371.

Митрополит Филарет (в миру Василий Михайлович Дроздов, 1782/1783–1867). Фото из Церковно-архивного кабинета МДА <http://actus.ru/collection/photo/index.php?page=29>

Цесаревич Николай Александрович (1843–1865), старший сын императора Александра II. Фрагмент портрета кисти С.К. Зарянко. 1850-е гг.

Князь Николай Максимилианович Романовский, 4-й герцог Лейхтенбергский (1843–1891), лен российского императорского дома; геолог и минералог, президент Российского минералогического общества

администратор, богослов и проповедник, Филарет недреманным оком следил за всеми изменениями в жизни Академии и твердой рукой направлял ее в соответствии с канонами православия.

В результате диссертант был оставлен в Академии и после смерти Ф.А. Голубинского в 1854 г. сменил его на кафедре философии, взяв на себя его учебные курсы. Затем, после ухода из Академии в 1856 г. В.И. Лебедева, он берет на себя преподавание новоевропейской философии. Всего же, на протяжении долгой, продолжавшейся до конца его жизни, педагогической деятельности, Кудрявцев-Платонов вел занятия по разным философским дисциплинам, охватив их практически все.

Уже в 1858 г. он становится ординарным профессором. Глубокие, тщательно продуманные работы по гносеологии, философии религии, естественному богословию, рациональной психологии, плодотворная деятельность по переводу и изданию творений святых отцов снижали В.Д. Кудрявцеву-Платонову признание и славу. Талант молодого профессора был замечен не только в академических кругах, но и при дворе. Ему были поручены занятия по логике и метафизике с наследником престола Николаем Александровичем. Семнадцатилетний сын Александра II привел учителя в восхищение: он оказался живым и приветливым, был умен и все схватывал на лету. Уроки продолжались весь 1861 год, случалось, что на лекциях присутствовали и императрица Мария Александровна и великая княгиня Мария Николаевна. Когда же обнаружилось, что профессор столь же хорошо разбирается и в психологии, ему пришлось погрузиться также в анализ душевных явлений с Николаем Максимилиановичем, герцогом Лейхтенбергским.

Пребывание В.Д. Кудрявцева-Платонова в Санкт-Петербурге, при дворе укрепили мнение в правительстве о желательности распространения учения, которое не только не входит в противоречие с христианским миропониманием, но служит его теоретическим обоснованием. Профессору было предложено возглавить кафедру философии в Московском или Санкт-Петербургском университете. Однако это означало, что Московская Духовная Академия потеряла бы ученого, составляющего ее гордость. Поэтому, когда министр народного просвещения граф Е.В. Путьгин обратился к митрополиту Филарету с предложением о переводе Кудрявцева-Платонова в один из столичных университетов, тот ответил следующее:

«Сиятельный граф, милостивый государь!

Почтенным письмом Вашего сиятельства от 9 дня сего августа о профессоре Кудрявцеве поставлен я в великое затруднение. Не могу не дать совершенной справедливости Вашему попечению, чтобы в Петербургском университете преподаваема была философия здравая и потому естественно согласная с истинною христианскою. Утешительно мне видеть, что на профессора Кудрявцева обращено Ваше внимание с доверием и надеждою. Никак не желал бы я сделаться преградой исполнения Вашего благотворного намерения. Но на мне также лежит обязанность заботиться, чтобы в Духовной академии преподаваемо было учение философское не только здоровое и чистое, но и достаточно силою и влиянием на умы, для чего требуется профессор не только способный, но и опытный. Духовные училища постоянно испытывают затруднение оттого, что наставники, по необходимости, часто переменяемые, переходят на др. службу. Тем более необходимо сохранять немногих наставников, дотоле других остающихся в академической службе и особенно на кафедре философии, которая менее других терпит новичка. Московская Духовная Академия не имеет теперь наставника достаточно приготовленного, чтобы удовлетворительно занять место профессора Кудрявцева. Посему я не исполнил бы своей обязанности, если бы не решился просить Вас, милостивый государь, не ослаблять философской кафедры в Московской Духовной Академии взятием от нее профессо-

ра Кудрявцева. Надеюсь, что говорю сие не против и его желания. С благодарностью к нему должен я упомянуть, что он пред сим отклонил сделанное ему приглашение на кафедру в Московский универ-

ситет, несмотря на выгоды сего перемещения. – Как скудны средства Духовной академии в сравнении со способами Университета! Трудно в ней выработать нужное. Легко ее ослабить. А ослабить ее не полезно и для министерства просвещения. Она дает законоучителей высшим и средним училищам, а сии законоучители в настоящее время имеют нужду в значительном философском образовании, потому что лжефилософия не молчит и на кафедрах, и в печати, и в обществе»¹.

Филарет остался верен себе и на этот раз: с присущими ему дипломатическим тактом и убедительностью он настоял на решении, которое считал единственно верным – быть Кудрявцеву-Платонову опорой и украшением Академии. Закончив занятия с наследником, философ вернулся в ставший для него родным Сергиев Посад, в Лавру, в Московскую Духовную Академию. Вслед за ним полетел отзыв – граф С.Г. Строганов писал митрополиту:

«Исполнив с примерным усердием и с замечательным талантом вверенное ему учение, молодой профессор умел возбудить в Августейшем своем ученике сочувствие к самому предмету учения и, конечно, много содействовал в продолжении истекшего года к просвещению его разума и к управлению его сил»².

Каковы же были плоды занятий с наследником? Увы, на этот вопрос нет ответа, так как молодой человек заболел во время путешествия за границу и неожиданно скончался в 1865 г. в Ницце. В.Д. Кудрявцев-Платонов всю жизнь хранил его подарок – кабинетный портрет с дарственной надписью.

Что привлекало в личности учителя и наследника и других его учеников? Виктор Дмитриевич был совершенно чужд какой-либо суетности и тщеславия, его жизнь пронизывало стремление к высоким духовным целям. Воспоминания его бывших учеников, как кусочки мозаики, позволяют составить в совокупности целостный образ философа на кафедре Московской Духовной Академии.

«Читал свои лекции Виктор Димитриевич так же просто и изящно, как они и написаны, – писал один из его слушателей. – Удивительная аккуратность во всем. Все у него в лекциях на своем месте»³.

Изложение тех или иных вопросов не отличались у него экспрессивностью, философ не был склонен к внешним эффектам. Тем более, что почти ничего не говорил без тетрадки. Данное обстоятельство может удивить, но в Академии существовала своя традиция, опиравшаяся на авторитет митрополита Филарета. Этот признанный оратор, красноречивый проповедник никогда не выступал экспромтом. Как-то наместник Лавры архимандрит Антоний даже поинтересовался у него, почему он заранее готовит тексты, чтобы потом их произнести. «Отчего не беседуете Вы с народом в храме без приготовления, как делал часто митрополит Платон? – спросил он Владыку. – И в обыкновенном Вашем разговоре каждое слово хоть в книгу пиши...». – «Смелости недостает», – отвечивал митрополит»⁴.

И Филарет, и Кудрявцев-Платонов думали одинаково: вопросы богословские и философские не решаются второпях, сходу, ибо касаются самого важного для человека, где малейшая ошибка приводит к непоправимому. В таких делах все постороннее должно отступить, чтобы обеспечить свободное течение мысли, справедливость в оценках, мудрость в решениях. Может быть, поэтому первое впечатление от лекций В.Д. Кудрявцева-Платонова было обманчивым: небольшого роста, он смотрел снизу вверх своими серо-голубыми глазами на слушателей, а потом открывал записи и сосредотачивался на написанном. Казалось, вот действительно сумрачный человек.

«Но стоило приблизиться к нему и услышать его речь, – продолжал делиться своими воспоминаниями его бывший студент, – первое впечатление в один миг исчезало. Так много симпатичного, простого, ласкового открывалось в нем! Такая тонкость и естественная деликатность!»⁵.

Конечно, каждый судит со своей колокольни. И восторженные оценки молодых людей, еще только вступающих на тернистый путь познания, раскрывают одни стороны личности философа, тогда как суждения ученых коллег – другие.

«Всегда серьезно-ровное и безусловно чуждое всякой тени полемического задора, – характеризовал манеру рассуждения философа его преемник по кафедре философии А.И. Введенский, – глубокое и прозрачно-ясное, логически последовательное и изящно-стройное, по местам согретое пафосом рели-

¹ Филарет, митрополит Московский. Собр. мнений и отзывов: В 5 т. Т. 5. М., 1885. С. 126–127.

² Соколов П.В. В.Д. Кудрявцев-Платонов // Русский биографический словарь. Т. IX: Кнаппе – Кюхельбекер. СПб., 1903. С. 526–527.

³ У Троицы в Академии. 1814–1914: Юбил. сб. ист. материалов. Изд. бывш. воспитанников Моск. духов. акад. М., 1914. С. 183.

⁴ Сушков Н.В. Записки о жизни и времени святителя Филарета, митрополита Московского. М., 1868. С. 48.

⁵ У Троицы в Академии. С. 183.

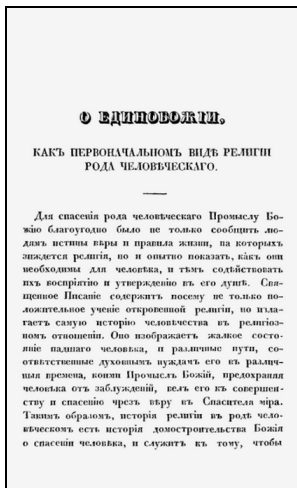
гиозного и нравственного одушевления, изложение Кудрявцева производит неотразимое впечатление и невольно увлекает читателя, перенося его в прозрачные и чистые сферы идеального»¹.

Пожалуй, уместно было бы сравнить раздумья мыслителя со спокойным и плавным течением, в котором глубина сочетается с удивительной незамутненностью – таковы великие русские реки.

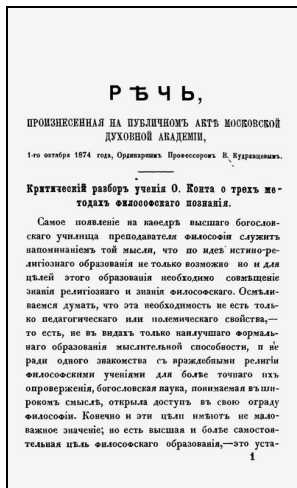
Сохранившаяся программа его курсов 1886/87 учебного года демонстрирует, что лекции философа охватывали те проблемы, которые были предметом его тщательного изучения, и разработке которых он посвятил свои труды. Учебная программа включала в себя следующие разделы:

1. Введение в философию;
2. Онтологию:
  - а) учение о принципах философии,
  - б) анализ познания эмпирического,
  - в) анализ познания рационального,
  - г) анализ познания идеального;
3. Естественное богословие:
  - а) доказательство бытия Божия,
  - б) понятие о Боге,
  - в) отношение Божества к миру;
4. Космологию:
  - а) субстанциальная основа физического мира,
  - б) происхождение мира,
  - в) целесообразность мира;
5. Рациональную психологию:
  - а) начала органической жизни,
  - б) начала психической жизни,
  - в) отношение души к телу,
  - г) бессмертие души.

Программа интересна как с точки зрения того, как преподавалась философия в Московской Духовной Академии, так и в качестве свидетельства, что перед нами – целостная мировоззренческая система, в которой проработаны основные, вечные вопросы духа и бытия. Действительно, структура учебного курса в целом совпадает с тематикой работ В.Д. Кудрявцева-Платонова.

Первая страница труда В.Д. Кудрявцева-Платонова «О единобожии, как первоначальном виде религии рода человеческого» (Прибавления к Творениям св. Отцов. 1857. Ч. 16. Кн. 3. С. 328–416)

Первая страница издания «Речи, произнесенной на публичном акте московской духовной академии» («Критический разбор учения О. Конта о трех методах философского познания») В.Д. Кудрявцева-Платонова (М., 1874)

Его труды имеют довольно четкую группировку. Если следовать программе его курса, то в ней можно выделить прежде всего сочинения, посвященные предмету и методу, статусу и значению философского знания. Они включают следующие работы: «Что такое философия?» (1884), «Возможна ли философия?» (1884), «Нужна ли философия?» (1884), «Метод философии» (1884), «Состав философии» (1884) и «Об основных началах философского познания» (1885).

Проблемам теории познания посвящены «Метафизический анализ эмпирического познания» (1886), «Пространство и время» (1886), «Метафизический анализ рационального познания» (1887) и «Метафизический анализ идеального познания» (1888). В большом цикле трудов рассматриваются проблемы естественного богословия: «О единобожии, как первоначальном виде религии рода человеческого» (1857), «О религиозном индифферентизме» (1861), «Об источнике идеи Божества» (1864), докторская диссертация по богословию «Религия, ее сущность и происхождение» (1870–1871), «Тезисы сочинения «Религия, ее сущность и

¹ Введенский А.И. Основатель системы трансцендентального монизма // Вопросы философии и психологии. 1892. Кн. 14. С. 5.

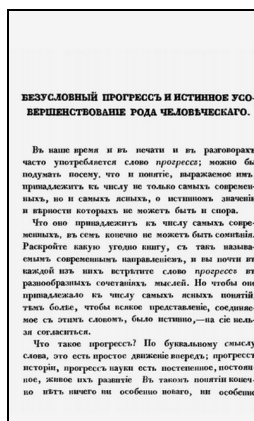
происхождение» (1871), «Речь на диспуте “Религия, ее сущность и происхождение”» (1871), «О Промысле» (1871), «Религия и позитивная философия» (1874, первоначально издана под заголовком «Критический разбор учения О. Конта о трех методах философского познания») и, наконец, обширный труд «Из чтений по философии религии» (1879–1890).

Философия природы и философская антропология, включая вопросы космологии и происхождения живых существ, генезиса человечества нашли свою разработку в таких сочинениях В.Д. Кудрявцева-Платонова, как «О единстве рода человеческого» (1852–1854), «О первоначальном происхождении на Земле рода человеческого» (1860), «Безусловный прогресс и истинное усовершенствование рода человеческого» (1860), рецензия на «Энциклопедический словарь, составленный русскими учеными и литераторами. СПб. Т. 1–4. 1861–1862» (1863), «Телеологическая идея и материализм» (1877), «Телеологическое значение природы» (1878), «Материалистический атомизм» (1880), «Самостоятельные начала органической жизни» (1881), «О происхождении органических существ. Теория трансформации» (1883), незавершенный труд «Из чтений по космологии. Происхождение мира» (1890–1891) и работа, вышедшая уже после смерти философа «Регрессивная и прогрессивная теория происхождения мира» (1892). Кардинальные проблемы человеческого бытия, его духовного бессмертия поставлены в трактате «Бессмертие души» (1885).

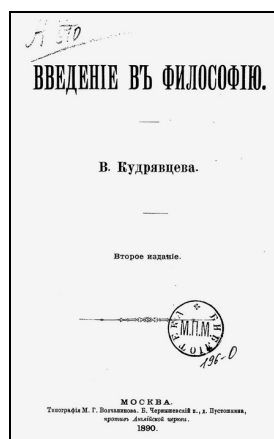
Опубликовано также шесть проповедей мыслителя. Однако некоторые работы оказались утраченными. Среди них – некоторые курсы, читавшиеся в Академии, и объемистое сочинение «О чрезвычайных духовных дарованиях в церкви Апостольской», над которым его автор работал в 1855–1856 гг.

К названным работам следует добавить также два учебника по философии, написанных В.Д. Кудрявцевым-Платоновым, – «Введение в философию» (1889), выдержавшее затем 7 изданий, и «Начальные основания философии» (1889–1890), публиковавшиеся 6 раз. Эти учебники решали разные задачи, но взаимно дополняли друг друга и в целом давали целостный взгляд на философию и круг ее проблем. Небольшое «Введение в философию», по замыслу автора, должно было содержать предварительное разъяснение о философии, которое предшествует ее глубокому и настоящему постижению. Объемистые «Начальные основания философии» предназначались для духовных семинарий и состояли из четырех частей, излагавших основные начала гносеологии, естественного богословия, космологии. В последнем разделе обсуждались проблемы рациональной психологии и нравственной философии. Акцент делался на доказательствах бытия Божия и его свойств, рассматривались основные концепции по вопросу о взаимоотношении Бога и мира (дуализм, деизм, пантеизм, теизм). В космологическом разделе рассматривалась материя как основа физического мира, в связи с чем анализировался атомизм, динамизм, математический атомизм и монадология. Большое внимание автор уделял проблемам происхождения мира и его целесообразности. Последняя часть была посвящена духовным вопросам, доказательству бессмертия души, обоснованию свободы воли и начал нравственной деятельности.

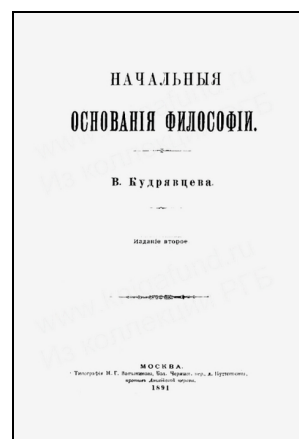
Философу пришлось также выполнять административные функции: он являлся помощником ректора (деканом) на богословском факультете, а в 1875–1876 гг. и затем в 1878 г. исполнял обязанности ректора Московской духовной академии. Много сил отдавал В.Д. Кудрявцев-Платонов работе в составе редакционного комитета «Православного обозрения». Он участвовал в разработке устава Академии 1884 г. С

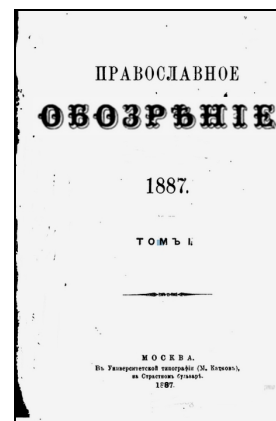
Первая страница труда В.Д. Кудрявцева-Платонова «Безусловный прогресс и истинное усовершенствование рода человеческого» (Прибавления к Творениям св. Отцов. 1860. Ч. 19. Кн. 1. С. 6–50)

Титульный лист второго издания «Введения в философию» В.Д. Кудрявцева-Платонова (М., 1890)

Титульный лист второго издания «Начальных оснований философии» В.Д. Кудрявцева-Платонова (М., 1891)

Обложка первого тома (январь-март) журнала «Православное обозрение» за 1887 г.

1877 г. и до конца жизни, последовавшей 3 декабря 1891 г., В.Д. Кудрявцев-Платонов возглавлял Братство Преподобного Сергия, для вспомоществования нуждающимся студентам и воспитанникам Московской Духовной Академии», завещав Братству все свои произведения.

Алексей Иванович Введенский (1861–1913), философ, богослов, психолог, публицист; ученик и последователь В.Д. Кудрявцева-Платонова. Фото с сайта <http://www.bogoslov.ru/persons/37183/>

Раскрывая значение созданного В.Д. Кудрявцевым-Платоновым, один из его учеников справедливо обращал внимание на характерные черты творчества философа.

«И, кажется, не будет с нашей стороны преувеличением, – утверждал А.И. Введенский, – если как на одно из самых замечательных явлений в области русской философской мысли мы укажем на сочинения В.Д. В них в рельефных чертах мы находим все то, чем отличаются и другие произведения чисто русских умов: трезвый реализм во взгляде на мир и жизнь, не имеющий, впрочем, ничего общего с обыденной житейской прозой и именно поэтому хорошо уживающийся с глубоким благоговением перед христианской тайной; строгую логичность, никогда не переходящую, однако, в резонерство и пустые отвлеченные тонкости; критическую осторожность, по существу не сродную для нашего философа с всеотрицающим универсальным скептицизмом. Именно ввиду этих свойств сочинения В.Д. мы думаем, что они могут выполнить весьма важную роль в истории выработки нашей самобытной философии, если к ним пробудится достаточный интерес»¹.

Действительно, в трансцендентальном монизме В.Д. Кудрявцева-Платонова раскрылись характерные особенности русской философии, которая ставила перед собой задачу не только постижения жизни, но и просветления ее, не одного лишь открытия истины, а возвышения человека и укрепления его духа.

В построении своей концепции мыслитель опирался на важнейшие результаты развития мировой философской мысли, в частности, понимание того, что мышление, претендующее на истинность, должно исследовать возможности и границы познания и сообразоваться с ними. В.Д. Кудрявцев-Платонов вполне учитывал это обстоятельство, и поэтому не пошел по соблазнительному, но уводящему от истины пути создания «философских романов», и предпринял методичное изучение познавательных способностей человека.

Имея в виду, что существует три главные сферы бытия – Бог, мир духовный и мир физический – русский философ подразделяет познание на три ступени: идеальное (умственное), рациональное (рассудочное) и эмпирическое (чувственное). Начальное и простейшее познание – эмпирическое, основанное на опыте непосредственного наблюдения. С него Кудрявцев-Платонов и начинает исследование познавательной деятельности.

Рассмотрение основных гносеологических концепций позволяет Кудрявцеву-Платонову обнаружить то общее, что составляет их уязвимый пункт. Уже при сопоставлении трактовок чувственного познания явственно обнаруживается намерение различных философов свести один из компонентов реальности к другому: материальное – к духовному, объективное – к субъективному, внутреннее – к внешнему или наоборот. Вероятно, замечает философ, в этом максимализме отражается коренная потребность нашего мышления понять мир как единый, постичь первоначало бытия. Но способ, избранный для выполнения задуманного, оказался и у материалистов, и у идеалистов уводящим в сторону от решения задачи. Примирение мышления и действительности путем уничтожения одного из полюсов этой противоположности в равной степени ошибочно. Не свидетельствует ли в таком случае несостоятельность их попыток, что цель философии принципиально недостижима?

Нет, полагает В.Д. Кудрявцев-Платонов, было бы малодушно отказываться от намерения решить эту задачу или жертвовать какой-либо стороной бытия в угоду тем или иным авторитетам.

«Избегнуть этого недостатка, – пишет он, – мы можем лишь в том случае, если объединяющего начала духовной и материальной сторон бытия будем искать не в них самих, а выше их; не в мире, представляющим дуализм духа и материи, а выше мира, в Существо высочайшем и совершеннейшем, отличном от мира. С признанием такого Существа, которое не может быть простою только субстанцией мировых явлений, духовною ли то, или физическою, но высшею их творческою причиною, легко можно будет согласить так называемый дуализм духа и материи, потому что этот дуализм не будет непримиримым раздвоением его собственной природы, но положенным им различием двух основ-

¹ Введенский А.И. Указ. соч. С. 7.

ных начал условного бытия, которое именно в силу своей условности и ограниченности должно носить только внешнее ограничение в своем отличии от Существа высочайшего, но и внутреннее самоограничение в различии своих сторон»¹.

Такова формулировка основного принципа философской системы мыслителя – принципа, который призван «снять» односторонности материализма и идеализма. Место плюрализма, дуализма или односторонних монистических доктрин должна занять концепция особого типа. В отличие от пантеистического, по существу, гегелевского монизма, духовно-академическая философия основывается на признании реальности отличного от мира высочайшего Существа, в котором объединяющее начало возвышается над сферой условного бытия – как материи, так и духа. Этот монизм будет поэтому не пантеистическим, а трансцендентальным. Только такая высшая первопричина может представлять собой искомое единство. Трансцендентальный монизм, полагает Кудрявцев-Платонов, позволяет преодолеть заблуждения традиционных теорий познания и создает надежную основу для гносеологии. Применение его принципов существенно для понимания познания, в частности, рациональной его ступени.

Профессор МДА протоиерей Федор Александрович Голубинский (1797/1798–1854) на кафедре

Анализ рационального познания выводит на осознание интегральных проблем, связанных с интеллектуальными возможностями человека. Если категории – не только формы мышления, но и определения внешней реальности, то имеем ли мы право прилагать их только к действительности, в которой все явления условны и ограничены, или они простирают свое значение на бытие абсолютное и безусловное? Обладают ли конечные существа правом выходить за пределы себя к бесконечному и может ли бесконечное вместиться в границы понятий?

Вопрос о путях познания сверхчувственных объектов – один из ключевых в рамках философии Московской Духовной Академии, со всей определенностью поставленный Ф.А. Голубинским. Кудрявцев-Платонов существенно обогащает идею своего учителя обоснованием того, что данная проблема получает осмысленное выражение лишь при условии, что разъяснены особенности рационального познания, так как идеальные определения, даваемые сверхчувственным объектам, невысказаны без категорий.

«В самом деле, – размышляет создатель трансцендентального монизма, – можно ли, например, утверждать единство Божества, не имея в виду категорий *количества*, говорить о Его премудрости, святости, благодати, отвергая реальное значение категории *качества*? Можно ли говорить о Боге, как Творце мира, считая не приложимым к Нему понятие *причины*, говорить о Промысле, не допуская отношения Его к миру и действия Его на мир? Можно ли говорить о каком-либо истинном понятии о Боге, не *противопологая* его ложным, не *отрицая* последних?»².

Таким образом, изучение деятельности рассудка обнаруживает проблему, выходящую за его пределы и подводит к необходимости раскрытия высшей ступени познавательного процесса – идеального познания.

Специфика идеального познания связана с особенностями его предметов, каковыми являются Бог, истина, добро, бесконечность и другие сверхчувственные объекты. Формами идеального познания выступают идеи, существенно отличные от понятий рационального познания: они не могут быть абстракциями предметных представлений, поскольку последние содержат только эмпирические признаки. Но не являются ли идеи разновидностями рассудочных категорий?

Действительно, с точки зрения трансцендентального монизма, они имеют нечто общее – и те, и другие априорны. Вместе с тем, отмечает Кудрявцев-Платонов, идеи отличаются от категорий тремя основными признаками.

Во-первых, они представляют собой качественные понятия, выражающие совершенства вещей, тогда как категории только обозначают формальные свойства последних. Существенно разными

¹ Кудрявцев-Платонов В.Д. Метафизический анализ эмпирического познания // Соч.: В 3 т. Т. 1. Вып. 2. Сергиев Посад, 1893. С. 185.

² Кудрявцев-Платонов В.Д. Метафизический анализ рационального познания // Там же. Т. 1. Вып. 3. Сергиев Посад, 1894. С. 171.

будут утверждения, что объекты производят какие-либо действия, и характеристика этих действий как добрых и злых, хороших и плохих и т.д.

Во-вторых, идеи выражают долженствование и поэтому их необходимость и всеобщность иного порядка, чем у рассудочных понятий.

В-третьих, категории мыслятся в качестве определений эмпирических вещей и не имеют, следовательно, собственного содержания, в то время как идеальные понятия мыслятся имеющими собственные объекты.

Присутствие идей указывает на наличие у нас особой духовной способности, отличной от рассудочного познания; следуя историко-философской традиции ее целесообразно назвать разумом. В немецкой классической философии содержится глубокая постановка проблемы соотношения разума и рассудка, но именно в этом, узловом пункте теории познания мы имеем возможность опереться на разработку вопроса в отечественной философии, ибо в учении о Бесконечном Ф.А. Голубинского обосновывается значение разума (ума) для познания. Его суть в том, что единство как главный, верховный принцип, императив познания привносится в рассудок извне и не может быть сформулирован им самостоятельно.

Положения основателя философской школы МДА получают систематическую разработку в философии В.Д. Кудрявцева-Платонова. В теоретико-познавательном плане существенно отличие способности идеального познания от рассудка, поскольку последний дискурсивен, дает нам возможность постичь мир в понятиях, по логике мышления. Идеальное познание отличается от рассудка качественно, ибо является интуитивным, т. е. созерцанием сверхчувственного.

С этих позиций становится возможным преодолеть противопоставление познания другим способностям человека.

«...Сила ума, – утверждал Голубинский, – не есть только теоретическая – она имеет практическое влияние на другие силы души, дает всем им направление, порождает в них стремления, сосредоточивающиеся к одному предмету. Ум, как коренная сила души есть действующее из самого себя начало истинного одушевления для всех наших способностей»¹.

Действительно, человек – существо не только теоретизирующее, но и действующее в мире, в котором он становится субъектом нравственных отношений. То, что осталось несоединенным в критицизме, получает глубокое разъяснение в учении трансцендентального монизма.

В.Д. Кудрявцев-Платонов раскрывает значение ценностей и идеалов в познании. Вера и знание оказываются вплетенными в единую ткань человеческих стремлений, обнаруживающих сопричастность человека бытию. Если воспользоваться сравнением философа, насколько для роста растения необходим здоровый и неповрежденный корень, настолько же знание нуждается в вере, в убеждении существования начала нравственного добра. Теория познания, которой принадлежит столь существенное место в обосновании системы трансцендентального монизма, является глубоко онтологичной, что существенно отличает ее от различных вариантов гносеологизма. Таким образом, в философской школе МДА преодолевается односторонний рационализм, ставший характерным признаком новоевропейской культуры, и осуществляется переход к теории цельного знания, составляющей одно из самых значительных достижений русской теоретической мысли.

Глубоко и системно продуманная теория познания трансцендентального монизма убедительно свидетельствует о необходимости преодоления стереотипов в изучении русской философии.

«Так, сформировались штампы о преимущественно историософской или антропологической направленности русской философии, – отмечает М.А. Маслин, – о ее особой социальной приверженности, о “неспециализированном” и “неинституциональном” характере русской мысли, ее “литературоцентризме” <...> На самом деле в России была представлена – уже начиная с XVII в. – и собственно «трактатная» философия. Она существует в виде университетской и духовно-академической философии, сохраняющей свои особенные качества вплоть до настоящего времени»².

Если теории познания отводится главенствующая роль при построении системы В.Д. Кудрявцева-Платонова, то ее сердцевиной выступает философия религии³. Она мыслится как соединение Бога и человека, Бога и мира. Ее обоснованию служат все разделы, все части его трансцендентального мо-

¹ Голубинский Ф.А. О высших силах души // Проблемы русской философии и культуры. Калининград, 1997. С. 134.

² Маслин М.А. Стереотипы в истории русской философии // Исследования по русской философии и культуре. Калининград, 2010. С. 13–14.

³ Корнилов С.В. Философия самосознания и творчества. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1998. С. 61.

II

ФЕВРАЛЬ.

I.—Письма московского митрополита Филарета к преосвященному Виталию, епископу Дмитровскому, викарию московской епархии..... 217—249

II.—Из чтений по философии религии. IV. Психологическое доказательство бытия Божия. В. Д. Кудрявцева..... 250—285

III.—Чему учить теория развития dogматов? И. И. Крымова..... 286—314

IV.—Патриарх Никон, глава церковной реформации и его протекция. Н. В. Копылова..... 315—363

V.—Насколько современным изучением богословия. Саян, А. А. Самарова..... 364—405

VI.—Къ вопросу объ отношеніяхъ между церковно-приходными и земскими школами. Саян, I. Давыдович..... 406—409

VII.—Опытъ критическаго изслѣдованія на Евангеліе отъ Іоанна. В. Тернера. Библиографическая записка. Прот. Н. К..... 410—419

VIII.—Извѣстія и записки: Годичный актъ С.-Петербургской Духовной Академіи. — Братство св. Кирилла и Моводія въ Москвѣ. — Защищеніе профессорской кандидатуры изъ Казанской Духовной Академіи.—Опекуны.—Объявленія..... 420—424

M A P T Ъ.

I.—Письма московскаго митрополита Филарета къ преосвященному Виталию, епископу Дмитровскому, викарию московской епархіи..... 425—465

ИЗЪ ЧТЕНІЙ ПО ФИЛОСОФІИ РЕЛИГІИ.

—

IV. Психологическое доказательство бытия Божия.

Опозитивное доказательство бытия Божия исходитъ изъ извѣстнаго въ наукѣ уже понятія о Боге и путемъ логическаго анализа этого понятія старается доказать его объективную истину. Но высшею уже есть понятіе о существѣ всесовершеннаго, но существа, самаго совершеннаго, самаго высшаго, самаго несовершеннаго существа должно и въ абсолютности существовать, иначе мы достигнемъ логическаго противорѣчія, — несовершеннаго божества несовершеннаго, такъ какъ въ немъ не бреть достатка своего и замѣшана ограниченность, — реального бытия. Тутъ форма опозитивнаго доказательства. Но мы видимъ, что главный недостатокъ его, на который всегда и указывали его противники и новые противники, состоитъ въ томъ, что само это основное понятіе вышло о Боге, какъ ономъ, всесовершенно заключеннаго въ насъ уже и необходимое понятіе, и потому считая себе въ правѣ признавать несовершенство, и тутъ вышло, которое оно должно, какъ логика этого понятія. Очевидно, что по правѣмъ путемъ опозитивнаго бытия большею частью вышло понятія такой способу — заключенія бытия въ неразрѣшимую: съ логическимъ свойствомъ для правдоваго какого-либо понятія нельзя право называть въ

*) «Свѣтъ Соборъ» на 1887 г., кал. 100.

Фрагмент страницы оглавления первого тома «Православного обозрения» за 1887 г. (слева) и первая страница 4-й части статьи В.Д. Кудрявцева-Платонова «Из чтений по философии религии» («Психологическое доказательство бытия Божия», с. 250–285)

В 1878–1889 гг. концепция, изложенная в «Религии, ее сущности и происхождении», получает конкретизацию и дальнейшую разработку в новой работе В.Д. Кудрявцева-Платонова «Из чтений по философии религии», печатавшейся сначала отдельными главами в течение всего десятилетия в «Православном обозрении». В этом объемистом труде его автор существенно дополняет предшествующий анализ исследованием доказательств бытия Божия. Он рассматривает космологическое, телеологическое, онтологическое, гносеологическое, психологическое, историческое и нравственное доказательства и приходит к заключению, что каждое из них выполняет специфиче-

скую роль в цепи последовательных логических шагов, направленных на раскрытие понятия Божества.

В.Д. Кудрявцев-Платонов проанализировал распространенные объяснения причин возникновения религии и вскрыл их односторонность: ни обман со стороны жрецов, ни страх перед слепыми силами природы, ни намерение упрочить моральные устои общества обещанием посмертного вознаграждения, ни присущая человеку способность к идеализации сами по себе к религии не приводят. Не может быть источником идеи Божества и чувство, а также рассудок – она (идея) не претендует на статус научной истины и не составляет достояния узкого круга ученых, но принадлежит всем людям.

На подлинный источник религиозной идеи, по мысли философа, указывает неискоренимая потребность человека в абсолютной истине, неизменном добре, высшем блаженстве. Эта потребность направляет разнообразные усилия к одной цели, она знает единственный объект своих стремлений – всесовершенное существо, которое, по определению, есть также личность. Но особенность личностных отношений заключается как раз в том, что они имеют характер взаимоотношений.

«Если цель наших стремлений – не предметы неодушевленные, а существа разумно-свободные, – разъясняет В.Д. Кудрявцев-Платонов свою мысль, – если мы, например, стараемся приобрести их любовь, дружбу, внимание, то кроме одних только усилий с нашей стороны достигнуть того, чего ищем, необходимо, чтобы и эти существа, с другой стороны, отвечали нашим стремлениям»¹.

Из признания того, что религиозное отношение, т. е. связь человека и Бога, немислимо без их обоюдного участия, следует, что естественное влечение души к высшей и вечной справедливости обязательно сопряжено с обратным действием на нас Божества. Только Его присутствие, полагает философ, может рождать а нашем уме идею о Боге, лишь Его существование выступает в качестве объективной предпосылки нашей веры в Него. И если предметы материального мира, воздействуя на органы чувств, свидетельствуют о наличии материальных вещей, то еще больше оснований имеется для уверенности в бытии сверхчувственного существа, реальность которого зависит не только от результатов ощущений, зачастую сомнительных, и не от абстрактных выводов рассудка, а открывается иным способом – в откровении Божества нашему духу.

Значение божественного откровения для познания требует разбора и уточнения, так как с позиции трансцендентального монизма природа Творца мира, по существу, отлична от нашей и, значит, не может быть раскрыта человеку так, как она есть сама по себе. При разрешении возникшей трудности В.Д. Кудрявцев-Платонов опирается на разработанную им гносеологическую концепцию, допускающую, что помимо эмпирического и рационального познания есть также идеальное, включающее непосредственное созерцание Божества. Оно становится возможным, как уже отмечалось, благодаря участию ума, особой душевной активности, несводимой к дискурсивному рассудку.

«Деятельность этой способности по отношению к сверхчувственному, – пишет автор «Религии», – есть восприимательная, аналогическая по форме с деятельностью чувств внешних по отношению к внешнему миру. Знание сверхчувственного, сообщаемое этой способностью, есть непосредственное»².

¹ Кудрявцев-Платонов В.Д. Религия, ее сущность и происхождение // Там же. С. 284.

² Кудрявцев-Платонов В.Д. Тезисы сочинения «Религия, ее сущность и происхождение» // Там же. С. 319.

Но не ведет ли данное утверждение к мистицизму?

Кудрявцев-Платонов предостерегает против пренебрежения рассудком и абсолютизации внутреннего чувствования. Возможность какой-либо интуиции, в которой сверхчувственное «дается» сразу и целиком, отвергается философом. Познание – деятельный и трудный путь преодоления заблуждений, так как в откровении Бог открывает себя человеку в той мере, в какой природа человека способна к его восприятию. Идея Божества имеет особый смысл для мышления.

«Без врожденной нашему духу способности ощущать сверхчувственное наш разум оставался бы даже без всякого побуждения искать его», – замечает Кудрявцев-Платонов¹.

Однако бытие предмета и его познание – разные вещи. Мистицизм может и должен быть отвергнут, если мы ясно осознаем, что ум говорит о существовании сверхчувственного, но только благодаря мышлению осуществляется его познание. Высшая ступень знания, заключает философ, есть понимание в понятиях.

Таким образом, В.Д. Кудрявцев-Платонов предлагает целостную концепцию возникновения в нас идеи Божества. Может, конечно, возникнуть вопрос, замечает он, почему же воздействие на наш дух Божества приводит к возникновению множества разнообразных, часто ложных понятий о Боге, разделяющих людей? Ответ мыслителя показывает, как органично связаны в трансцендентальном монизме все компоненты: трактовка познания, миропонимание, постижение предназначения человека и его духовного настроения.

«Как чувство внешнее изоцряется упражнением, так и чувство божественного изоцряется соответствующей деятельностью, – утверждает философ. – Но чистота, живость и ясность внутреннего чувства есть чистота нравственная, а управление его состоит в добродетельной жизни. Божество не есть только предмет познания для ума, но цель живого стремления нашего духа: Бог есть высочайшее совершенство и благо, и потому приближение к Нему и ясное ощущение Его возможно только для человека с нравственно чистым оком души, с силою ума, постоянно развиваемого и упражняемого стремлением к Богу. Но если нравственную жизнь условливается ясность и сила внутреннего чувства, то отсюда понятно, почему так тусклы бывают наши представления о Боге, почему у некоторых людей познание сверхчувственного упадает почти до нуля. Тогда как в познании других предметов нравственный элемент имеет второстепенное значение и истина, например, чувственного познания одинакова, принадлежит ли она нравственному или не нравственному человеку, в деле богопознания это элемент существенный, от которого зависит самый характер познания и степень его истинности»².

Миросозерцание В.Д. Кудрявцева-Платонова включало также признание бессмертия души. Для христианской философии данный вопрос неразрывно связан с проблемой смысла жизни, предназначения человека, с трактовкой исторического процесса. Эти проблемы затрагиваются в уже упомянутых работах и специально рассматриваются в таких сочинениях мыслителя, как «Безусловный прогресс и истинное усовершенствование рода человеческого», «О Промысле», «Бессмертие души». В них подчеркивается, что история жизни общества – не обнаружение действия Божества, а деятельность духовно-разумных существ. Подлинным критерием развития, по мысли философа, выступает моральное совершенствование людей.

«...Закон прогресса, – утверждал Кудрявцев-Платонов, обращаясь к характеристике глубинных исторических изменений, – существуя действительно как закон нравственный, безусловно, обязательный для рода человеческого, – именно по тому самому, что он нравственный, не есть закон физический, но основывается на свободе, которая делает возможным как осуществление, так и неисполнение его»³.

Требование необходимости самоусовершенствования человеческого рода, согласно философу, должно трансформироваться в задачу свободно-го усовершенствования человека. Он сам должен сделать выбор и нести ответственность за него.

Предназначение земной жизни, полагает Кудрявцев-Платонов, обращаясь к выяснению главной

О ПРОМЫСЛЕ.

Своею целью, именно непосредственно какою: во всех стран нашей христианской жизни последние убеждения в бытии личного, высочайшего Существа есть вера в божественный Промысел. Как бы глубоко ни была погружена в наш мир страсть, какою бы силою разумная сознание ни было одарено в нас, уметь истинно бытия Божия, она не вышла бы из ряда отвлеченных, теоретических истин, имеющих важное значение для одного только знания, оставаясь совершенно бесполезною для жизни, если бы была лишена своего действительного, естественного, логического вывода, – что Божь, как Существо личное, есть не только Миродатель, но и Мироправитель. Мысль о верховном Начале мира только тогда может иметь живое и действительное влияние на нашу жизнь, когда она соединена с уверенностью, что Божь не есть только безучастный зритель всего созданного Им, но имеет постоянное, деятельное отношение к Своему творению, что для нас хранил и направляет к благу, поспешит о благе не только целого мира, но и каждого существа, как бы оно insignificant или было. Только

10*

Первая страница труда
В.Д. Кудрявцева-Платонова
«О Промысле» (Прибавления
к Творениям св. Отцов. 1871.
Ч. 24. Кн. 1. С. 147–210)

¹ Кудрявцев-Платонов В.Д. Религия, ее сущность и происхождение. С. 310.

² Кудрявцев-Платонов В.Д. Об источнике идеи Божества. С. 34.

³ Кудрявцев-Платонов В.Д. Безусловный прогресс и истинное усовершенствование рода человеческого // Там же. Т. 3. Вып. 2. Сергиев Посад, 1894. С. 259–260.

экзистенциальной проблемы, состоит в постепенном образовании нашей психической индивидуальности. Но чем более развитой оказывается последняя, тем очевиднее становится, что цель души недостижима в пределах телесного существования. Вместе с тем идея разумности, кристаллизующаяся в человеке, обладает силой императива, она обязательно ведет к убеждению, что эта цель реальна.

«Если бы идея абсолютного совершенства была только обманчивым, субъективным представлением нашего ума, не имеющим реального бытия вне нас, – размышляет создатель трансцендентального монизма, – то и наши бесконечные стремления к абсолютному мы могли бы называть пустыми, а не реальными, стремлениями к чему-то несущественному, что, как удаляющийся при приближении мираж, влекло бы нас все дальше в беспредельность»¹.

Таким образом, отрицание бессмертия души привело бы к отрицанию цели человеческого бытия. Поэтому, как замечает философ, Бюхнеру и другим сторонникам вульгарного материализма мысль о вечном существовании представлялась ужасной. Разумеется, именно таким было бы бесцельное прозябание.

Учение Кудрявцева-Платонова дает представление об основательности философского мышления, культивировавшегося в стенах Московской Духовной Академии². В ней сложилась традиция, без которой картина интеллектуальной жизни России не может быть полной. Философская школа Академии влекла в себе ищущих людей. Неудивительно, что, переживая душевный кризис, полный сомнений молодой Владимир Соловьев отправляется слушать Кудрявцева-Платонова. И еще многие и многие приходили туда за знанием и духовным просветлением. В трансцендентальном монизме наиболее полно выразились основные достижения философской школы МДА. В служении царству истины и добра видел свою задачу В.Д. Кудрявцев-Платонов. Не в этом ли состоит подлинная философия – *philosophia perennis*?

ЛИТЕРАТУРА

1. Введенский А.И. О характере, составе и значении философии В.Д. Кудрявцева-Платонова // Кудрявцев-Платонов В.Д. Соч.: В 3 т. Т. 1. Вып. 1. Сергиев Посад, 1893. С. 57–124.
2. Введенский А.И. Основатель системы трансцендентального монизма // Вопросы философии и психологии. 1892. Кн. 14. С. 1–28.
3. Голубинский Ф.А. О высших силах души // Проблемы русской философии и культуры. Калининград, 1997. С. 119–168.
4. Зеньковский В.В. История русской философии. М.: Академический Проект, Раритет, 2001.
5. Корнилов С.В. Философия самосознания и творчества. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1998.
6. Корнилов С.В. Русские философы: Справочник. СПб.: Лань, 2001.
7. Корнилов С.В. Философская школа Московской Духовной Академии. Калининград, 2006.
8. Кудрявцев-Платонов В.Д. Метафизический анализ эмпирического познания // Соч.: В 3 т. Т. 1. Вып. 2. Сергиев Посад, 1893. С. 67–209.
9. Кудрявцев-Платонов В.Д. Метафизический анализ рационального познания // Соч.: В 3 т. Т. 1. Вып. 3. Сергиев Посад, 1894. С. 1–174.
10. Кудрявцев-Платонов В.Д. Религия, ее сущность и происхождение. // Соч.: В 3 т. Т. 2. Вып. 1. Сергиев Посад, 1892. С. 88–315.
11. Кудрявцев-Платонов В.Д. Об источнике идеи Божества // Соч.: В 3 т. Т. 2. Вып. 1. Сергиев Посад, 1892. С. 1–34.
12. Кудрявцев-Платонов В.Д. Тезисы сочинения «Религия, ее сущность и происхождение» // Соч.: В 3 т. Т. 2. Вып. 1. Сергиев Посад, 1892. С. 316–319.
13. Кудрявцев-Платонов В.Д. Безусловный прогресс и истинное усовершенствование рода человеческого // Соч.: В 3 т. Т. 3. Вып. 2. Сергиев Посад, 1894. С. 248–278.
14. Кудрявцев-Платонов В.Д. Бессмертие души // Соч.: В 3 т. Т. 3. Вып. 3. Сергиев Посад, 1894. С. 138–280.
15. Маслин М.А. Стереотипы в истории русской философии // Исследования по русской философии и культуре. Калининград, 2010. С. 13–14.
16. Соколов П.В. В.Д. Кудрявцев-Платонов // Русский биографический словарь. Т. IX: Кнаппе – Кюхельбекер. СПб., 1903. С. 524–530.
17. Сушков Н.В. Записки о жизни и времени святителя Филарета, митрополита Московского. М., 1868.
18. Собрание мнений и отзывов Филарета, митрополита Московского и Коломенского по учебным и церковно-государственным вопросам : В 5 т. / Под ред. преосвященного Саввы, архиепископа Тверского и Кашинского. Т. 5. М., 1885.
19. Флоровский Г.В. Пути русского богословия. М.: Наука, 1990.
20. У Троицы в Академии. 1814–1914: Юбил. сб. ист. материалов Изд. бывш. воспитанников Моск. духов. акад. М., 1914.
21. Brewster D. *The Life of Sir Isaac Newton*. New York: J. & J. Harper, 1832.

Цитирование по ГОСТ Р 7.0.11—2011:

Корнилов, С. В. *Philosophia perennis*. В.Д. Кудрявцев-Платонов: путь познания истины / С.В. Корнилов // *Пространство и Время*. — 2016. — № 3–4(25–26). — С. 188–200. Стационарный сетевой адрес: 2226-7271prov_r_st3_4-25_26.2016.72.

¹ Кудрявцев-Платонов В.Д. Бессмертие души // Там же. Т. 3. Вып. 3. Сергиев Посад, 1894. С. 259.

² Корнилов С.В. Философская школа Московской Духовной Академии. Калининград, 2006. С. 262.